

Баланс сил и кризис порядка

«Возможность революции возникает из-за неспособности капитализма поддерживать мировой порядок». Арриго Черветто комментирует этот тезис Ленина, обобщённый Адамом Уламом, в заметке 1980 года, которая является частью материалов для введения к «Унитарному империализму». Речь шла об объяснении, как марксизм использует теорию равновесия в своей концепции международных отношений: *«Если “мировой порядок” сравним с “мировым равновесием”, то мы можем предположить, что формула Ленина может быть переведена так: “Капитализм не в состоянии поддерживать глобальное равновесие”. В словах Ленина, следовательно, содержится конкретное применение теории равновесия и есть также теория слома равновесия. Более того, можно сказать, что революционная теория является теорией слома мирового равновесия. В этом смысле теория революции и теория международных отношений, рассматриваемые на основе динамики порядок – слом, равновесие – нарушение равновесия, по Ленину, – это одно и то же. По Ленину, революция, то есть слом мирового равновесия, является международным, а не национальным результатом (в том числе и в 1905 году)».*

На самом деле, наоборот, среди теоретиков правящего класса можно встретить ссылки на ленинскую работу «Империализм, как высшая стадия капитализма» и его концепцию борьбы между державами, само собой, с выхолощенными революционными выводами. Роберт Гилпин, один из ведущих представителей реалистического направления в политических и экономических отношениях между государствами, регулярно цитируется в связи с его тезисами о неравномерном развитии, но его источником в работе «Война и изменения в мировой политике» (1981) является Ленин, полемизирующий с Карлом Каутским и доказывающий, что империалистическое развитие, изменяя соотношение силы, рассматривается как двигатель столкновения между державами.

Пьер Гроссер, который был директором по исследованиям в Дипломатическом институте министерства иностранных дел Франции на набережной Орсе, также сегодня рассматривает перспективы войны между США и Китаем, сравнивая концепции Ленина и Каутского. В своём тексте о противостоянии США и Китая «L'autre guerre froide?» он прибегает к интерпретации растущей напряжённости между Вашингтоном и Пекином как переходу от «ультраимпериализма» Карла Каутского, сотрудничества между Америкой и Китаем, к «межимпериалистической войне», как она понимается в теории Ленина. При этом он считает «возможным, но маловероятным» прямой конфликт между двумя великими державами, по типу первой мировой войны 1914 года. С уточнением, однако, что годы холодной войны были «горячей войной» в Азии: США там понесли 90 % своих потерь после 1945 года и в общей сложности эти войны стоили 20 миллионов жизней.

В нашем анализе мы используем формулу *кризиса порядка*, поскольку она охватывает более широкие общие аспекты, чем *кризис равновесия* в строгом смысле; это выражение следует понимать как распространяющееся также на политику, союзы и институты, которые относятся к этому равновесию. Но с другой стороны, понятие *мирового порядка* также является приближением. Именно *неравномерное экономическое и политическое развитие* не только препятствует заключению прочных соглашений о разделе между державами, но и, прежде всего, исключает возможность заключения соглашений, способных одновременно охватить все сферы мирового рынка. После второй мировой войны *ялтинский раздел* санкционировал биполярный баланс сил между США и СССР на Старом континенте за счёт европейского империализма, но мировая *Ялта* была невозможна. Относительная стабильность в Европе сочеталась с открытым противостоянием в Азии, следствием чего стало не менее десятка региональных войн. Опорой порядка были старые атлантические державы – не случайно их часто упоминают в качестве *западного либерального порядка*, – но Азия оставалась *эпицентром напряжённости*.

Комментируя начало *кризиса глобальных отношений*, мы писали в 2009 году о *кризисе империалистического порядка*. В «Тезисах» 1957 года предсказывался длительный период мирового капиталистического развития, в котором распространение этого развития на новые регионы и, в частности, на Азию, определит курс империализма на десятилетия, предотвращая общий кризис, перерастание в крупный мировой конфликт, а вместе с ним и возможность революционного перелома.

В 1973 году мировой кризис, вызванный нефтяным шоком, был *кризисом реструктуризации*, а не сломом мирового порядка, именно потому, что новые рынки всё ещё предлагали огромные возможности для империалистического развития.

Начиная с 1980-х годов, эти отношения между старыми и новыми областями обострились в цикле *империалистического либеризма*, который в современной публицистике называют *глобализацией*. *Новое противостояние* обозначило отношения между державами в условиях *нового соотношения сил*, обусловленного реструктуризацией. Между 1989 и 1991 годами *новое противостояние* достигло кульминации в имплозии СССР: застойное состояние этого государственного капитализма не могло справиться с мировым рынком в то время, когда исключительные доходы от продажи нефти после потрясений 1973 и 1979 годов текли рекой. Перенапряжённый российский империализм был раздавлен начатой США гонкой вооружений.

Эта стратегическая катастрофа перезапустила либеристский цикл и, в частности, позволила Китаю расширить *политику реформ и открытости*, соединиться с мировым рынком и вступить в сорокалетний период его *экономического чуда*. Вокруг воссоединённой Германии и *Рейнской оси* между Парижем и Берлином Европа создала новые институциональные инструменты для своего единого рынка в связи с глобализацией и федерализовала монетарную власть в ЕЦБ и евро.

1990-е годы стали апогеем *империалистического либеризма*, или, если угодно, *либерального порядка*. Распространилась идеология умиротворённой глобализации, в которой роль государств и военной силы ослабевала; в 2001 году Китай вступил в ВТО, Всемирную торговую организацию. Это также был апогей *вашингтонского консенсуса* – набора правил и практик, которые определяли либеристский цикл при участии его международных организаций, таких как ВТО, Международный валютный фонд или Всемирный банк. Для триумфалистских идеологий, распространившихся в Америке, это также было кульминацией *однополярного момента*, открывшегося с распадом СССР, когда Соединённые Штаты стали *единственной сверхдержавой*, способной формировать мировой порядок.

С другой стороны, с точки зрения нашего марксистского анализа, реальный баланс сил всегда был многополярным; *вашингтонский консенсус* представлял собой картель держав *империалистического либеризма*, и только объединение Европы и наступление Китая вывели противостояние на уровень полюсов великих держав континентального масштаба. *«Триумф капитала»*, с его глобальным утверждением, должен был обнажить его противоречия.

(Продолжение на стр. 2)

Май 2023 г.